

*В Библиотеку  
Харьк. ун-та  
от автора  
23/IV 48.*

## СОЛОН, II

Проф. доктор К. Э. ГРИНЕВИЧ

### „Сисахфия“ Солона

Как мы видели из последней главы первой части нашей работы (см. Ученые записки ТГУ № 4, стр. 74), Солону предстояло, по словам наших источников—Плутарха и Аристотеля, разрешить две основных задачи—прекратить, по их мнению, борьбу между прослойками класса свободных путем соответствующих социально-экономических реформ и затем уже коренным образом преобразовать весь государственный строй<sup>1)</sup>.

Солон, сделавшись в 594 году до н. э. „посредником и архонтом“, прежде всего, по словам Аристотеля (Аф. Пол. 6) „освободил народ и в текущий момент и на будущее время воспретив обеспечивать ссуды личной кабалой“. Это была его первая реформа. Далее он (продолжаем цитировать Аристотеля) „произвел отмену долгов как частных, так и государственных, что называют сисахфией, сотрясением бремени, потому что люди как бы стряхнули с себя бремя. Насчет этого некоторые пытаются клеветать на него“<sup>2)</sup>. Эта мера равнялась, без сомнения, огромному хозяйственному перевороту и с нашей точки зрения близка к политической революции. „Солон, говорит Энгельс в „Происх. семьи“. (1945, стр. 130) открыл ряд так называемых политических революций, открыл его вторжением в отношения собственности... в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собствен-

<sup>1)</sup> В последнем абзаце первой части нашей работы, напечатанной в № 4 „Ученых записок ТГУ“ (стр. 74) имеется пропуск, значительно искажающий смысл: опущено вводное предложение „по словам источников“, хотя в конце имеется ссылка на Плутарха и Аристотеля.

<sup>2)</sup> И Аристотель и Плутарх передают древнюю клевету на Солона, будто его друзья „из кружков Конона, Клиния и Гипоника“, узнав заранее об отмене долгов, заняли много денег и накупили земли, а потом долгов не вернули. Плутарх не верит этому и добавляет, что сам Солон потерял пять талантов. Аристотель также считает это обвинение ложным. Быть может, эта сплетня исходила из лагеря олигархов.

ность кредиторов в интересах собственности должников". Все долговые обязательства были признаны недействительными, и вследствие этого масса мелких землевладельцев и арендаторов, очутившихся на положении гектоморов, о которых мы говорили раньше, вздохнула свободно. Сам Солон так говорит о сисахфии, как бы защищаясь от нападок со стороны крайних демократов, которые ждали передела земель:

„Какой же я из тех задач не выполнил,  
Во имя коих я тогда сплотил народ?  
О том всех лучше перед Времени Судом  
Сказать могла б из олимпийцев высшая—  
Мать—черная Земля, с которой снял тогда  
Столбов поставленных я много долговых, <sup>1)</sup>  
Рабыня прежде, ныне же свободная.  
На родину, в Афины, в богозданный град  
Вернул я многих, в рабство проданных,  
Кто кривдой, кто по праву, от нужды иных  
Безвыходной бежавших, уж забывших речь  
Аттическую—странников таков удел,  
Иных еще, в позорном рабстве бывших здесь  
И трепетавших перед прихотью господ,—  
Всех я освободил. А этого достиг,  
Закона власть и силу с правом сочетаю.  
И так исполнил все я, как и обещал.  
Законы я простому с знатным наравне,  
Для каждого прямую правду указав,  
Так написал. А если б кто другой, как я,  
Стрекало взял—недобрый, алчный человек,—  
Народа б не сдержал он. Если б я хотел  
Того, что нравилось тогда противникам  
Потом того, что указали б их враги,  
Тогда мужей бы многих наш лишился град.  
Затем-то, на борьбу все мужество собрав,  
Я, точно волк, вертелся среди стаи псов“ <sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> Так называемые „бровы“—пограничные столбы, на которых обозначалось, кому и в какой сумме заложено данное владение. Таких столбов сохранилось не много со времени конца IV в. См. *Dittenberger Syll. inscript. graecarum*. 3 изд. № 1193—1197, *Dareste*. *Houssoullier, Reinach, Recueil des inscriptions juridiques grecques*, fasc. I. 1891, 107—142. Такие столбы имеются и в наших южных музеях, например, в Херсонесском музее.

<sup>2)</sup> Это стихотворение Солона приводит **Аристотель** в „Афинской Политии“ гл. 12,4. Следует отметить, что античная традиция связывает сисахфию Солона с подобной реформой египетского фараона Бокхориса, жившего за 100 лет до Солона. Последний не мог не знать о ней и перенес ее на аттическую почву.

В связи с сисахфией в Аттике, повидимому, разразился большой экономический кризис. Отзвуком этого кризиса является известная клевета на Солона, переданная Плутархом и в общих чертах Аристотелем <sup>1)</sup>. Полное уничтожение долговых обязательств равнялось в то же время страшному подрыву кредита, подрыву доверия в самом корне. И прежде кредит ввиду дороговизны денег был плохой, приходилось занимать деньги под огромные проценты; это объясняется тем, что капиталы были небольшие и находились почти всецело в руках эвпатридов, а нужда в них была велика. После же сисахфии Солона кредит должен был на время совершенно исчезнуть, потому что не было расчета давать в долг, не будучи обеспеченными в том, что вновь не произойдет отмены долговых обязательств. Это обстоятельство должно было вызвать сильный экономический кризис и было одной из причин возникновения после Солона твердой власти Писистрата, создавшего то, что было нужно для крестьянства, а именно дешевый государственный кредит.

Некоторые исследователи (например, **E. Meyer**, *Geschichte des Altertums II*, **Busolt**, *Griechische Geschichte II*<sup>3)</sup>) полагают, что отменены были лишь долги, заключенные под залог личности или земли, и что долгов в торговых и денежных делах, равно как и долгов под залог движимости, сисахфия не затрагивала. Однако на это нет никаких указаний в наших источниках; скорее напротив: известный анекдот о друзьях Солона, которые, узнав о предстоящей отмене долгов заняли значительные суммы и на эти деньги приобрели земельные владения, а также рассказ о том, что сам Солон при этом потерял значительную сумму в 5 талантов, говорят против такого ограничения. С другой стороны, нам известно, что Солон не имел в виду своей мерой нанести удар ростовщическому капиталу, алчности которого он не ставил никаких пределов: по крайней мере, позже, в одной из судебных речей оратора Лисия (X, 13) цитируется его закон, разрешавший отдавать деньги в рост по каким угодно процентам. Во всяком случае, несомненно, что, как это следует из сообщений Аристотеля и Плутарха, именно ссуды под залог земли или личности составляли преобладающую, если, быть может, и не исключительную форму задолженности в досолоновскую эпоху и что реформа Солона своим острием была направлена именно против крупного землевладения, т. е. против эвпатридов и имела целью освобождение мелкого землевладельческого хозяйства. Сам Солон, как мы знаем, не был крупным землевладельцем. После этой реформы в Аттике навсегда исчезают пелаты или шестидольники, которые

<sup>1)</sup> См. Примечание наше на предыдущей странице.

с этого момента становятся или мелкими собственниками или свободными арендаторами.

Нам известны и другие меры Солона, направленные против крупного землевладения. Так, одним из его законов воспрещалось обладание земельной собственностью свыше определенной нормы. Какой удар все эти реформы нанесли эвпатридам, видно хотя бы из того важного и бросающегося в глаза обстоятельства, что после Солона Аттика становится страной среднего и мелкого землевладения, а через 100 лет самые крупные земельные участки не превышали нескольких десятков гектаров. По этому поводу есть мнение одного ученого <sup>1)</sup>, что до Солона сосредоточение земель в руках эвпатридов могло происходить только за счет заложенных земель, а поскольку заложенные земли были возвращены их прежним владельцам,—постольку и владения эвпатридов уменьшились. С этим мнением можно согласиться,

Нанося сисахфией сильный удар по эвпатридам, т. е. представителям крупного землевладения, Солон достигал двойной цели: с одной стороны, он подрывал материальную базу старинной родовой знати, с другой же стороны, с освобождением от долгов мелких хозяев землевладельцев (диакрийцев) открывал возможности более свободного развития сельскохозяйственного производства, в частности, распространения таких культур, как смоковниц, оливков, винограда, которые давали главнейшие предметы вывоза из Аттики—оливковое масло и вино. Известно, что Солон придавал особое значение развитию этих культур в целях их вывоза—недаром реформатор сам был купцом. В законах Солона имеется ряд постановлений, регулирующих взаимоотношения между мелкими земледельческими хозяйствами, определявших право пользования колодцами на соседних участках, условия посадки оливков, смоковниц и других растений, рытья колодцев, канав и проч. Эти меры, с одной стороны, содействовали развитию мелкого крестьянского хозяйства и развитию торговли сельскохозяйственными продуктами <sup>2)</sup>, с другой—они сколачивали ядро гоплитского ополчения, т. е. тяжеловооруженной пехоты—военную силу и основу образующегося рабовладельческого полиса <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Это мнение акад. А. И. Тюменева, высказанное им на страницах "Истории древнего мира" под ред. С. И. Ковалева, гл. VI, стр. 189, прим. 1. Мнение Busolt'a (Griechische Geschichte, II<sup>3</sup> и С. Я. Лурье иное: они полагают, что впоследствии, при Писистрате, произошла конфискация земель эвпатридов. Однако источники об этом молчат.

<sup>2)</sup> Солон издал закон, запрещающий вывоз хлеба из Аттики, так как она мало его производила, и, наоборот, всячески поощрял его ввоз.

<sup>3)</sup> polis—город—государство, основной тип политического образования древней Греции. Город с окружающей его местностью составлял самостоятельное государство.

У нас имеется еще фрагмент закона, который позволяет думать, что Солон имел в виду покровительствовать ремеслам. Это можно заключить из того, что в указанном фрагменте говорится о большом наказании, которому подвергался всякий, кто позволил себе попрекнуть кого бы то ни было занятием ремеслами. Это постановление для нас интересно в двух отношениях. С одной стороны, мы видим, до какой степени занятие ремеслом считалось несоответствующим достоинству овогодного гражданина, с другой, — что Солон попытался авторитетом организующегося государства изменить общественное мнение и силою закона защитить ремесленника от презрения и насмешек.

Прежде чем перейти к описанию самой главной тимократической реформы Солона, мы остановимся еще на реформе денежной системы, которую древние иногда смешивали с сисахфией. Надо сказать, что до 1890 г., т. е. до открытия „Афинской Политии“ Аристотеля, в суждении о смысле солоновской сисахфии многие ученые держались мнения, которое передает нам Андротион в своей „Аттиде“<sup>1)</sup>. Вот, что говорит Плутарх (Солон, 15) „Солон был первым, которому принадлежало изобретение назвать отмену долгов сисахфией. Эту политическую меру он пустил в ход первую, предложив отменить существующие в данное время долги, а впредь запретить обеспечивать ссуду личной кабалой. Впрочем, некоторые, и в их числе Андротион, писали, что бедные удовольствовались тем, что получили облегчение не в виде отмены долгов, а в виде умеренной высоты процентов, и сисахфией называли это гуманное мероприятие и произведенное одновременно с ним увеличение мер и расценку монеты. Именно, он сделал мину из 100 драхм, которая прежде стоила 73, так что, когда возвращали по счету тоже самое количество, по значению же меньшее, плательщики значительно выигрывали, но получающие несколько не теряли....“. Таким образом, по мнению Андротиона и „некоторых“, Солон уничтожил не все долги, а только 27% их, т. е. весьма ничтожную часть. Аристотель, безусловно, знал об этом мнении и отверг его, равно как и Плутарх. Таким образом, в настоящее время не может быть никакого разногласия по вопросу о сисахфии Солона. Что же касается перечеки монеты, то смысл этой меры совсем не тот, какой ему придает Андротион. Почти так же, как Плутарх о ней говорит и Аристотель (Аф. Пол. гл. 10): „Но раньше законодательства он произвел отмену долгов, а после всего этого увеличение мер; весов и монеты. [Имен-

<sup>1)</sup> Андротион жил в середине IV века до н. эры и был учеником Исократы. Он написал „Аттиду“, т. е. историю Аттики.

но при нем и меры были увеличены в сравнении с фидоновскими<sup>1)</sup> и мина, имевшая прежде вес в 70 драхм, доведена была до 100. Старинный тип чеканки представлял собой монету двухдрахмового достоинства. Он сделал и вес сообразно с монетой, так что 63 мины равнялись таланту, и эти три мины, пропорционально распределенные, прибавлялись на каждый статер и на другие меры веса<sup>2)</sup>.

По мнению Аристотеля, Солон с помощью перечекивания монеты перешел от эгинской монетной системы к эвбейской, применявшейся в эвбейских городах, на Архипелаге и в Малой Азии. Для чего это было сделано, ясно видно из торговой и промышленной географии того времени. Мы хорошо знаем, что, например, в V веке до н. эры главными торговыми центрами были Афины и Коринф. Коринф был в узле пелопоннесских отношений и распространял свое влияние на запад, Афины же были центром понтийских отношений и распространяли свое влияние на Восток.

Но в VII веке до н. эры торгово-промышленными центрами были еще не Коринф и Афины, а эвбейские города Эретрия и Халкида и остров Эгина с дорическим населением. Ионийско-ахейские торгово-промышленные связи группируются вокруг Халкидона, Эретрии и отчасти Афин, а пелопоннесские около Коринфа и Эгины. Первоначально Афины были на буксире у Эгины и это выражалось в том, что для торговых сделок употреблялись эгинские деньги, не ходившие на Востоке.

При Солоне Аттика переходит к эвбейской монетной системе и этим самым открывает себе широкую дорогу для торговли с восточными частями эллинского мира. Вот в чем заключается смысл перекивания монеты, а вовсе не в облегчении должников.

### Тимократическая реформа Солона

Тимократическая система<sup>2)</sup>, установленная Солоном—вот главный пункт его политической реформы, которую некоторые ученые ставят на первый план. Наши источники, особенно Плутарх, свидетельствуют, будто прошло некоторое время между проведением сисахфии и тимократической реформой, причем сисахфией Солон почти никого не удовлетворил. „Солон, говорит Плутарх (Солон, 16

1) Фидон—тиран города Аргоса VIII—VII вв. до н. эры. Установленные им меры вошли в употребление в Пелопоннесе, а через остров Эгину перешли и в Афины, где нередко называются „эгинскими“. Начало чеканки монет в Греции относится приблизительно к VII в. до н. эры. Впервые монета появляется в Азии (М. Азия) в первой половине VII века.

2) Тимократией называется такой государственный строй, при котором в управлении государством участвуют люди сообразно их имущественному ценз (τιμή—по гречески почет, честь).

не угодил ни той, ни другой партии, но разочаровал и богатых тем, что упразднил долговые обязательства и еще более бедных тем, что не произвел передела земли, как они надеялись, и не уравнил совершенно, как Ликург, по образу жизни... Солон этого не совершил, будучи приверженцем народа и человеком среднего положения, но не сделал ничего, не соответствовавшего наличным силам, руководясь только желанием и доверием к нему сограждан. О том, что он не удовлетворил большинства людей, ожидавших другого, об этом он сам говорит:

Но тогда они ошиблись, а теперь, сердясь на то,  
На меня косые взгляды мечут все, как на врага.

Но он прибавляет, что если бы кто-нибудь другой получил такую же силу, —

„Народа не сдержал бы и не отстал бы сам,  
Пока не сбил бы масла, снявши молоко“<sup>1)</sup>.

Однако вскоре, увидав пользу и оставив личные нарекания, устроили общее жертвоприношение, назвав это жертвоприношение сисахфией и Солона назначили исправителем государственного строя и законодательства<sup>2)</sup> и поручили ему не ту или другую лишь область, но все решительно: определить высшие государственные должности, народные собрания, суды, советы, ценз для каждого из этих учреждений, число их и срок действия, упраздняя и сохраняя из наличного и существующего то, что найдется нужным“.

Из „Афинской политики“ Аристотеля мы видим, что Солон придал более определенные формы исторически сложившемуся строю. В этом отношении нам нужно детально всмотреться в содержание знаменитой IV главы, в которой Аристотель говорит о законодательстве Драконта. Прежде всего бросается в глаза странное на первый взгляд утверждение Аристотеля, что тимократия была раньше Солона. Разберемся в этом свидетельстве. Если пристально всмотреться в самый характер классификации солоновских классов (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты) и ценза и, во-вторых, в характер известий о них, то свидетельство Аристотеля становится более или менее достоверным только с извест-

<sup>1)</sup> Эти же стихи Солон приводит Аристотель в „Афинской Политии“ гл. 12, 3 и 12, 5.

<sup>2)</sup> Именно это место Плутарха и доказывает, что тимократическая реформа была произведена после сисахфии и даже через некоторое время.

ной оговоркой. Прежде всего странно то, что Солон, желавший ввести тимократию, т. е. разделить граждан на классы сообразно количеству их дохода, — дал им такие названия, которые, за исключением названия 1 класса, ничего общего с доходом не имеют. Только название 1 класса — „пентакосиомедимны“, т. е. получающие 500 медимнов соответствует содержанию. Но 2-ой класс — *ἵππεις* — (всадники) — это люди, являвшиеся в войско на собственном коне; 3-й класс *zeugitai* (зевгиты) — это те, кто имел пару волов и плуг, т. е. землевладельцы; <sup>1)</sup> 4-й класс — это *thetes* (феты), <sup>2)</sup> люди, выбитые из колеи жизни и принужденные стать в подчиненное, зависимое положение. Таким образом названия этих трех классов ничего общего с содержанием реформы не имеют, а это дает нам право и возможность предположить, что это деление на классы было уже до Солона, но последний приурочил его к определенным размерам дохода. Значит, Аристотель прав, указывая на существование прослоек класса свободных до Солона; но он неправ в том, что принял это деление за тимократию.

Послушаем свидетельство Аристотеля в „Афинской Политии“ (гл. 7) о тимократической реформе Солона и разберем его.

„Государственный строй, который установил Солон, говорит Аристотель, и законы, которые он издал, были новые: законы же Драконта перестали применяться, за исключением законов об убийствах. <sup>3)</sup> Написав эти законы на кирбах, <sup>4)</sup> афиняне поставили их в „Царском портике“ и все поклялись их соблюдать. Девять же архонтов, принося присягу у камня, давали обет посвятить золотую статую, если преступят какой-нибудь из законов. Вот почему они и теперь еще дают такую клятву. Солон установил эти законы на 100 лет и дал государству следующее устройство. На основании оценки имущества он ввел разделение на четыре класса, каковое разделение было уже и раньше, — на пентакосиомедимнов, всадников, зевгитов и фетов. Притом все вообще должности он предоставил исправлять гражданам из пентакосиомедимнов, всад-

<sup>1)</sup> **Цихориус** в своей работе *Zu den Namen der altattischen Steuerklassen*, помещенной в сборнике в честь Лепсиуса (1894, 135) считает, что зевгиты происходят от слова *zeugon* — колонна; фаланга, т. е. указание на службу их в войске, как голыти (пехота).

<sup>2)</sup> Фет — значит батрак, что и показывает социальное значение этого класса граждан. Это — *καπηλαιοὶ* — корабельная чернь, как их называют источники, поскольку феты служили гребцами во флоте.

<sup>3)</sup> С этим совпадает и свидетельство Плутарха (Солон, гл. 17): „Итак, прежде всего он отменил все законы Драконта, все, кроме законов об убийстве“.

<sup>4)</sup> **Кирбы** — это деревянные выбеленные доски высотой приблизительно в рост человека, составленные в виде призмы, которая вращалась на оси для удобства чтения вроде афишного столба. По Плутарху (Солон, 19, 25, 24) кирб было не меньше 16.

ников; зевгитов: должности 9 архонтов, казначеев <sup>1)</sup>, полетов, <sup>2)</sup> одиннадцати <sup>3)</sup> и колакретов <sup>4)</sup>).

Каждому классу он предоставил должность сообразно с величиной имущественной оценки, а тем, которые принадлежат к классу фетов,—участие только в народном собрании и судах.

К пентакосиомедимнам должен был принадлежать всякий, кто со своей земли получает 500 мер в совокупности сухих и жидких продуктов;<sup>5)</sup> к всадникам,—получающий 300 мер или, по утверждению некоторых, такие люди, которые могли содержать коня. В доказательство они приводят, во-первых, название этого класса, установившееся будто-бы от этого факта, а во-вторых, древние посвящения. На Акрополе, например, стоит изображение, на котором написано следующее:

„Дифилов Анфемион это богам посвятил  
Как из простых батраков (фетов) всадником  
Сделался он“.

И возле стоит конь, явно свидетельствуя о том, что всаднический ценз имеет в виду этот признак. Впрочем, вернее, что этот класс характеризовался по количеству мер дохода, также как класс пентакосиомедимнов. К классу зевгитов должны были принадлежать те, которые получали 200 мер того и другого вместе, а остальные—к классу фетов и эти последние не имели доступа ни к какой государственной должности. Поэтому и теперь, когда председательствующий спросит у человека, который хочет избираться по жребию на какую-нибудь должность, к какому классу он принадлежит, никто не скажет, что к фетам.

Высшие должности Солон сделал избирательными по жребию из числа предварительно выбранных, которых намечала каждая из фил. <sup>6)</sup> Намечала же в Коллегию девяти архонтов каждая (фила)

<sup>1)</sup> Ср. „Аринс. Полиг.“ гл. 8, 1 и 47,1.

<sup>2)</sup> Полеты—управляющие государственными имуществами. Ср. „Аф. Пол.“ гл. 47,2.

<sup>3)</sup> *σι εὐδεχλ*—„одиннадцать“—чиновники, приводившие в исполнение судебные приговоры. Ср. „Аф. Полиг.“ гл. 52.

<sup>4)</sup> *Κολακρέται*—сборщики податей, производивших сбор не деньгами, а окороками. Собственно значит резатели окороков. Первоначально Колакреды—прислужники при общественных жертвоприношениях и обедах, потом уже финансовая должность. После 403 г. мы не слышим об этой должности.

<sup>5)</sup> Мерой сычужих тел был медими (51,84 литра), мерой жидких тел—метрет (около 39 литров) „Пентакосиомедими“—это в переводе значит „500 медимнов“.—

<sup>6)</sup> Вся Атика делилась по населению на четыре древних родовых филы. Голосование и, как увидим дальше, избрания членов „Совета 400“ происходило по этим филам. Каждая фила имела свое название и во главе их стояли Филебазилевсы („цари“ фил). Вот имена фил: Гелеонты, Гоплеты, Эгикореи, Аргадеи, Фила делилась на 3 триттии и 36 навкрарий. В каждой триттии было по 12 навкрарий. См. Аристотель „Аф. Пол“, гл. 8.

десятерых, и между ними бросали жребий. Вследствие этого еще и теперь остается за филами такой порядок, что каждая избирает по жребию десятерых, а затем из этого числа баллотируют бобами. <sup>1)</sup>

Доказательством же, что высшие должности Солон сделал выборными по жребию из людей, обладающих цензом, может служить закон о казначеях, который продолжает оставаться в силе еще и теперь: он повелевает избирать казначеев по жребию из пентакосиомедимнов... Далее он учредил „Совет четырехсот“, по сто из каждой филы, а совету ареопагитов назначил охранять законы; как и прежде, он, т. е. ареопаг, имел надзор за государственным порядком, причем он обязан был не только следить вообще за большинством самых важных государственных дел, но между прочим и привлекать к ответственности виновных; имея власть налагать взыскания и кары, причем штрафы вносились в город, <sup>2)</sup> не указывая по какому поводу платится штраф. Наконец, он судил тех, кто составлял заговор для низвержения демократии, в силу того, что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления“. <sup>3)</sup>

Так говорит Аристотель. Изложение Плутарха (Солон, гл. 18) почти совпадает с его изложением. Проанализируем эти данные. Мы видим, что Солон в своей тимократической реформе исходил из 2 типов бывших до него социальных отношений. Один из них был древнейший, другой — позднейший, стоявший на рубеже к переходу к рабовладельческой демократии. Первая древнейшая схема, восходящая по легенде к Тезею, выражалась в наличии в Аттике трех группировок внутри свободных: эвпатридов, геоморов и демиургов. <sup>4)</sup> Вторая система выражалась в делении свободного населения на три группы иного рода: на всадников, зевгитов и фетов. Солон до некоторой степени воспользовался и той и другой системами. При проведении реформы Солону пришлось работать на более или менее подготовленной почве, о чем нам говорит законодательство Драконта. Посмотрим, что представляли собой эвпатриды, геоморы и демиурги. Из самого слова „эвпатриды“, т. е. „имеющие благородных отцов“ <sup>5)</sup> достаточно ясно

<sup>1)</sup> Бобы служили в качестве баллотировочных шаров.

<sup>2)</sup> polis в древнем смысле — т. е. Акрополь.

<sup>3)</sup> Так называемая „Эксегеза“ — см. Афин. Полития гл. 43,4

<sup>4)</sup> Напомним, что геоморы — средние и мелкие землевладельцы, демиурги — ремесленники, занимавшиеся также и торговлей, словом неземледельческий класс. Это деление, как замечает Энгельс (Происх. семьи, 160) было первой ступенью в родовом строе.

<sup>5)</sup> Историческую аналогию представляет латинское понятие patricii (патриции), происходящее от слова pater — отец, т. е. люди, имеющие благородных отцов. Полную противоположность представляет понятие proletarii (пролетарии). Оно происходит от слова proles — потомки, дети, т. е. люди, не имеющие ничего, кроме детей.

видно, что в состав этой первой в то время в государстве прослойки входила правящая аристократия, т. е. богатые семьи аристократов, считавшие себя исконными обитателями Аттики и захватившие в свои руки лучшие земли, суд, культ и власть. Гораздо интереснее решить вопрос, кто такие были „геоморы“. Обыкновенно их считают земледельцами и противопоставляют землевладельцам—эвпатридам. Однако, это толкование не подтверждается смыслом слова и опровергается другими соображениями, вытекающими из его содержания. Прежде всего слово „геомор“ не означает земледельца. Первая его составная часть—γῆ („земля“) не может возбуждать никаких сомнений. Вторая—же часть „μόρος“ есть, повидимому, видоизменение слова „μήρος“ или „μοῖρα“—„часть“. Таким образом, здесь дело идет не о земледельце, а о землевладельце. В таком случае какое же отличие этого класса от эвпатридов? Почему он носит специальное название? Надо полагать, что название это явилось в противоположность третьему классу, демиургам и что самый класс эвпатридов был лишь более поздней и искусственной надстройкой над классом геоморов. Первоначально все население Аттики должно было разделиться по отношению к земле на геоморов и демиургов, т. е. на людей, владеющих наделами и занимающихся сельским хозяйством и на невладеющих ими и занимающихся ремеслом. В свою очередь с течением времени класс геоморов распался на две части: на демотов, т. е. на граждан, принадлежащих к младшим семьям, в него входили и метэки<sup>1)</sup> и на эвпатридов, которые впоследствии обособились в отдельный класс, но не по земле, а по знатности. Так или иначе, но все источники резко подчеркивают разницу именно между геоморами и демиургами.

На этот факт с особенной ясностью указывает одна подробность, о которой мы узнаем из описания реформы Дамасия в „Афинской Политии“ Аристотеля. Именно геоморы называются там „ἀποικῆς“—слово это не имеет никакого отношения к земле и обозначает людей, которые живут так сказать, на стороне<sup>2)</sup>. Обозначение это очень подходит к мелким землевладельцам, потому что самое их местожительство в горах объясняется тем, что установленные наделы они, как пришедшие позже в Аттику, получали не на равнине, как эвпатриды, а в неудобных горных областях, в диакрии, откуда получилось название целой политической группировки „диакриев“. Таким образом, древняя сослов-

<sup>1)</sup> Метэками назывались иностранцы, жившие в Аттике и занимавшиеся сельским хозяйством, промышленностью, или торговлей. Они, как чужеземцы, не пользовались никакими правами. Это были „гости“ Афин.

<sup>2)</sup> „Афинская Полития“ гл. 13.

ная<sup>1)</sup> схема представляется нам в следующем виде. С одной стороны стоят люди, имеющие земельные наделы, с другой—все те, для кого земля представляет второстепенный источник дохода, т. е. демиурги, всякого рода промышленники, ремесленники и торговцы. Затем в классе землевладельцев (геоморов) выдвигаются старшие семьи, которые и становятся эвпатридскими, между тем как младшие семьи мало по-малу беднеют, разоряются на плохих землях и попадают в положение шестидольников (гектеморов), о которых говорят Аристотель и Плутарх. Так или иначе эта классификация исходила от самых древних отношений, восходя к эпохе родового строя.

Другая система, которую ближайшим образом воспользовался Солон, также имела в основе разделение населения Аттики на 3 группировки: всадников, зевгитов и фетов. Что же обозначают эти названия, какое социальное положение в Аттике они характеризуют? Прежде всего ясно, что они не имеют того определенного значения родового происхождения, как названия первой, более древней классовой схемы. В самом деле: эвпатриды, геоморы и демиурги резко отличаются друг от друга; но чем отличаются всадники от зевгитов? На этот вопрос приходится ответить, что есть только отличия, коренящиеся не столько в разнице по знатности, сколько по состоянию и по социальным функциям. И это всего лучше будет видно, когда мы покажем, в чем заключались особенности всех трех группировок, начиная снизу. **Феты**, как мы знаем из гомеровских поэм: Илиады и Одиссеи,—это люди, работающие на чужом наделе, батраки, потерявшие возможность иметь свой собственный *оikos*, дом. **Зевгиты**, как видно из самого слова,—это люди, имеющие *ζεῦγμα*, т. е. полную упряжку, иначе говоря, имеющие плуг и пару волов. По другому толкованию—гоплиты. Таким образом они являются, до некоторой степени, классом по преимуществу крестьянским. Любопытно, что основание, по которому они выделяются в особый класс, вновь и вновь встречается в различных комбинациях на протяжении всемирной истории. Возьмем, к примеру, средние века, и мы увидим, что там владение полной упряжкой служит основанием для выделения целой классовой группировки<sup>2)</sup>. Человек, не имеющий упряжки волов, не имеет и надела, так как фактически не может его возделывать, и попадает в положение „захребетника“ или, выражаясь терминами английского средневекового права, „коттария“, „бордария“ и т. п.

<sup>1)</sup> Слово „сословный“ употребляется нами всюду в значении „классовая, прослойка“.

<sup>2)</sup> См. Петрушевский. Очерки из истории английского государства и общества в средние века. ГИЗ. 1930.

Этим наблюдением расширяется наше представление о формах древнего хозяйства. Оказывается, что было бы неправильно смотреть на древнюю форму землевладения исключительно с точки зрения количества земли и дохода с нее. В настоящее время мы привыкли судить о землевладении по внешним признакам, именно, по пространству и доходу; но в древности землевладельцем считался только тот, кто имел не только землю (земли было много), но и необходимую для ее обработки упряжку, т. е. сельскохозяйственный инвентарь. Человек, не имеющий упряжки и рабочего скота, в конце концов неизбежно попадает в положение гектемора или фета.

Посмотрим теперь, что такое представляет третий класс—*ἵππικες* (всадники). Название, как мы видим, взято уже не от упряжки, а от способности человека иметь в своем распоряжении лошадей. Всадники—, это гомеровские *ἵπποδάμοι*, т. е. люди, занимающиеся разведением лошадей. Это занятие представляется в гомеровских поэмах роскошью; оно требовало крупного состояния, для него необходимы были луга, крупные пастбища, словом ряд условий, недоступных зевгиту. Поэтому-то, как гомеровские герои, сражавшиеся на колесницах, так и фессалийские всадники—это люди аристократического склада. И вот, какую роль играли в гомеровскую эпоху *ἵπποδάμοι*,—такую же роль играли в досолоновскую эпоху *ἵππικες* (всадники). Аристотель, обладавший среди древних писателей особой политической проницательностью, не без основания говорит в „Политике“, что в известное время руководящим классом были всадники. И, без сомнения, это было так в эпоху расцвета аристократической олигархии. Тогда высшую власть имели не гоплиты, которыми по большей части были зевгиты, а именно всадники. В тех частях Балканского полуострова, где местность была гористая, господство всадников не удержалось и скоро уступило место господству гоплитов, но в тех местностях, где преобладали равнины, как например, в Фессалии (на севере Греции), вся знать состояла из всаднического сословия и долгое время, вплоть до эпохи эллинизма, держала власть в своих руках.

И так, тимократическая реформа Солона использовала форму существовавших сословных подразделений: „по богатству“ (*πλοῦτις*)—на всадников, зевгитов и фетов<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Таким образом говорит Энгельс (Происх. семьи, стр. 132) был введен в конституцию новый элемент—частная собственность. Права и обязанности граждан государства стали устанавливаться соразмерно величине их земельной собственности, и поскольку стали приобретать влияние имущие классы, постольку стали вытесняться старые кровнородственные объединения; родовой строй потерпел новое поражение.

Очевидно, названия классов Солоном не выдуманы, они уже были. Только один класс пентакосиомедимнов им прибавлен, и прибавлен потому, что в среде прежней аристократии всадников в его время уже выделилась группа лиц особенно знатных и богатых. Она-то и вошла в состав лиц первого класса.

Общий смысл солоновской реформы разделения граждан на 4 класса по имуществу вполне ясен и понятен. Эта реформа представляет собой попытку создать государственный строй на соответствии между богатством, правами и обязанностями, устроить так, чтобы богатый имел больше прав, но и нес бы больше обязанностей. Эта реформа, хотя и послужила в дальнейшем отправным пунктом для развития демократии, но не была демократической, потому что устанавливала ряд градаций, основанных на имущественном неравенстве, не была, однако, она и эвпатридской, при которой знать имела все в своих руках<sup>1</sup>). Итак, общий характер тимократической реформы Солона достаточно понятен. Однако, отдельные части ее заслуживают более внимательного рассмотрения.

Прежде всего надо выяснить, как распределялись различные обязанности между солоновскими классами. И вот, если взять главную из них, воинскую повинность, то получается такая картина: каждый класс имеет особое вооружение: феты служат в качестве легковооруженных копейщиков, а также в качестве матросов и гребцов во флоте. Зевгиты выставляют гоплитов, т. е. тяжеловооруженных солдат со щитом и мечом, а всадники — конницу. Где же особый воинский ценз для 1 класса граждан, для пентакосиомедимнов? Чем отличаются они от всадников? Дело в том, что хотя пентакосиомедимны несли воинскую повинность в той же форме, как и всадники, но помимо этого пентакосиомедимнов часто привлекали к разного рода государственным повинностям, так называемым литургиям (*leitourgiai*), т. е. затратам на общественные нужды. В античном городе — государстве считали вполне законным и естественным, чтобы богатые люди удовлетворяли потребности государства из своего кошелька; да и сами богачи часто брали на себя охотно выполнение литургий, чтобы блеснуть перед народом великодушием и щедростью и выдвинуться в общественном мнении<sup>2</sup>). Впрочем, не все литургии выполнялись одинаково охотно: одна из них — триерархия (постройка, ремонт и содержание кораб-

<sup>1</sup>) Ср. приводимое Аристотелем посвящение на Акрополе некоего Анфемия сына Дифила, который из батраков сделался всадником. До Солона такого превращения быть не могло.

<sup>2</sup>) Ср. игры, театральные представления и обеды для населения Рима, которые устраивали в целях возвышения предшественники и современники Цезаря, сам Цезарь и последующие императоры Рима.

лей военного флота) была так тяжела и разорительна, что одна поглощала весь доход пентакосиомедимна. Поэтому триерархия обычно назначалась в обязательном порядке и это назначение входило в обязанности стратегов, когда коллегия стратегов получила силу. Конечно, при назначении довольно часто происходили злоупотребления. На это намекает одно место в комедии Аристофана<sup>3)</sup> „Всадники“, в том месте, где ведется спор между Клеоном и пафлагонцем колбасником, которого подбивают добиться расположения народа и выступить соперником Клеона.

Последний, не зная чем испугать своего противника, говорит, наконец: „Постой, я тебя назначу триерархом на такую триеру (т. е. корабль с тремя рядами весел), что ты просадишь на нее все свое состояние“.

Впрочем лицо, неправильно назначенное в триерархи, когда был ктонибудь богаче его, могло обжаловать решение стратегов; далее, если нельзя было добиться добровольного соглашения, он мог предложить поменяться состоянием. Кроме триерархии, были и другие литургии, касавшиеся содержания хоров в афинском театре, снаряжения посольств к иностранным государствам или в Дельфы, но они были легче и охотников на них было больше. Затем надо прибавить, что государство в крайних, экстренных случаях прибегало к так называемой *эйсфора*, т. е. к прямому налогу.

Посмотрим теперь, какие политические права соответствовали этому разделению обязанностей. Феты, этот *ναυτικὸς ὄχλος* („корабельная чернь“) были допущены только к участию в Народном Собрании и суде (*δικαστήρια*). Зевгиты имели право участвовать в „Совете 400“. Все остальные должности попали в руки всадников и пентакосиомедимнов. Однако, некоторые, наиболее ответственные должности, как например, должности архонтов и казначеев, были доступны только одним пентакосиомедимнам. Таким образом центр тяжести в области политических прав сосредоточивался в первых двух классах. И тем не менее всю реформу Солона и все направление его деятельности мы должны расценивать как первый и уверенный шаг по пути демократизации всего афинского государства. Демократизация заключалась именно в том, что народ мало-помалу отвоевывал все должности у высших классов. Когда Солон спросили, передает нам **Плутарх** (Солон, 15), написал ли он афинянам самые лучшие законы, он отвечал: „Самые лучшие из тех, какие они могли принять“. В этом замечательном по мудрости ответе заключается глубокий смысл и невольно вспоминаются знаменитые нападки К. Маркса в „Новой

<sup>3)</sup> Аристофан — знаменитый афинский писатель-комик, написавший ряд комедий для театра, жил в V веке до н. эры.

рейнской газете" эпохи 1848 года на тех ультра-левых, в роде Готшалка, которые хотели сразу сделать Германию „рабочей республикой“. Аристотель, также считавший, что именно Солон первый стал на путь демократии, так оценивает его реформы: <sup>1)</sup> „По-видимому, вот какие три пункта в солоновском государственном устройстве являются наиболее демократичными: первое и самое важное—отмена личной кабалы в обеспечении ссуд; далее, предоставление всякому желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду; <sup>2)</sup> третье, отчего, как утверждает, приобрела особенную силу народная масса—апелляция к народному суду. И действительно, раз народ властвует в голосовании <sup>3)</sup>, он становится властелином государства“.

Переходим к характеристике учреждений.

Остановимся, прежде всего, на **Народном Собрании** (*ἐκκλησία*). Теоретически Народное Собрание считалось носителем верховной власти в государстве. При Солоне значение Народного Собрания усилилось. Оно стало принимать участие в избрании должностных лиц и следить за сдачей ими отчетов.

До Солона сдачей отчетов ведал Ареопаг,—старый блюститель афинской конституции; Солон же передал это право Народному Собранию, в котором принимало участие все взрослое свободное население.

Переходим к новому учреждению, созданному Солоном, как надстройку к Народному Собранию, а именно к **Совету четырехсот** (*βουλὴ*). Характер и функции Совета чрезвычайно своеобразны. Его члены избирались древними родовыми филами по 100 от каждой на 1 год. Как производились эти выборы—в точности неизвестно, но судя по способу избрания архонтов и других должностных лиц, вероятно, частью посредством голосования, частью жеребьевкой.

На Совете четырехсот лежали две основных обязанности: прежде всего, подготовка дел для внесения на решение Народного Собрания: все важные дела, которые не могли быть решены должностными лицами, поступали для подготовительного обсуждения в Совет, который и составлял предварительное решение, которое

---

<sup>1)</sup> Афинская Полития" гл. 9 ср. Плутарх, Солон гл. 18.

<sup>2)</sup> Это, очень важное постановление Солона показывает, что он стоял уже не на родовой, а на государственной точке зрения, прямо противоположной, например, Драконовским законам.

<sup>3)</sup> Имеется в виду право участия и фетов в Народном Собрании и особенно в суде присяжных (гелиев).

потом уже препровождалось в Народное Собрание для утверждения<sup>1)</sup>.

Кроме того на обязанности Совета четырехсот лежало следить за текущей деятельностью всей администрации и разрешать, так сказать, на ходу, все возникающие недоразумения. При таком постоянном вмешательстве, своего рода постоянном контроле всей текущей деятельности должностных лиц государства, необходимо возникал вопрос о дежурстве, так как всем 400 членам заседать постоянно было черезчур громоздко. Была установлена очередь в дежурстве по филам. Заседали по 100 человек, а весь Совет собирался вместе только для особенно важных дел, хотя это только наше предположение по аналогии с Советом 500 Клисфена.

Таким образом значение Совета четырехсот при Солоне было чрезвычайно велико. Наоборот, значение аристократического Ареопага, одного из древнейших учреждений Афин, было уменьшено. Ареопаг при Солоне лишился двух очень существенных прав, благодаря которым он до Солона держал в своих руках почти верховную власть в государстве, а именно: права наблюдать за деятельностью должностных лиц и права назначать этих лиц. Однако нельзя сказать, чтобы Ареопаг потерял всякое значение: он попрежнему сохранил за собою наблюдение за законами, соответствующую ли они общему духу афинской конституции и цензорскую власть<sup>2)</sup>.

После того, как мы познакомились с тем, какие изменения внесла реформа Солона в учреждения, нам придется коснуться двух очень важных вопросов: положения должностных лиц при Солоне и судебной власти. И в том и в другом случаях Солон вступил на новую дорогу. О должностных лицах сведения у нас далеко неполные. „Афинская Полития“ Аристотеля перечисляет следующих должностных лиц: архонты, стоявшие во главе государства, казначеи (*ταμίαι*), сборщики податей (*κολλήρηται*), управляющие государственным имуществом (*πολέται*) и, наконец, *οἱ ἐνδεκα*, т. е. комиссия одиннадцати, приводящая в исполнение приговоры судов. Вот не-

<sup>1)</sup> Эта мера вызывалась тем, что Народное Собрание, в виду его многочисленности, не было в состоянии детально обсуждать законы и постановления, а могло только принимать или отвергать их. Плутарх (Солон, 19) говорит, что („Солон), видя, что народ становится кичливым и впадает в дерзость, под влиянием отмены долгов, учредил еще второй (т. е. после Ареопага) Совет по 100 из каждой филы“. В этом, быть может, сказывается классовое лицо Солона — выходца из аристократии.

<sup>2)</sup> Т. е. следить за нравами. Ср. Плутарх, Солон, 22. Кроме того Ареопаг остался высшим судебным органом по делам убийств, поскольку в этой части законы Драконта были оставлены в силе. См. Аристотель „Аф. Пол. гл. 7 и Плутарх, Солон гл. 17.

большой и далеко не полный список должностных лиц, случайно дошедший до нас в сочинении Аристотеля. Затруднение также состоит в том, что мы не можем относительно некоторых должностей сказать, насколько они стары или новы. Относительно, например, архонтов, не может быть никакого сомнения, что это наиболее древняя государственная должность. Солон только соединил в одну коллегия все девять архонтов: архонта-эписима, по имени которого назывался год,<sup>1)</sup> архонта-царя, выбиравшегося обычно из потомков древних царских родов и заведывавшего культом (жрец), архонта полемарха (военачальника) и 6 фесмофетов-секретарей, записывавших судопроизводство.

Далее, о сборщиках податей—*κολακρέται* (колакреты) можно сказать то же самое, основываясь на названии. Это—сборщики податей, производившие сбор по навкариям,<sup>2)</sup> особым административным единицам очень древнего происхождения, и сбор не деньгами, а окороками, мясом. Отсюда и название „колакреты“, от глагола „резать“. Из этого нетрудно прийти к тому заключению, что должность колакретов появилась еще в ту архаическую эпоху, когда подати собирались натурой, главным образом мясом, которое употребляли для прокормления постоянных отрядов пехоты и конницы. Можно, поэтому, категорически утверждать, что эта должность создавалась не при Солоне. Относительно должности казначеев, полетов и комиссии одиннадцати у нас нет никаких сведений. Кроме того, список Аристотеля явно неполон. В нем, например, совершенно не указаны военные должности. Конечно, раз говорится о девяти архонтах, значит, говорится и о полемархе (полководце), но ведь нам хорошо известно из других источников, что кроме полемарха были и другие военачальники. Есть некоторое основание предполагать, что в „Афинской Политии“ указаны только городские должностные лица, т. е. те, которые выбирались на городской площади (*ἀγορά*) и более или менее всем народом. Очень может быть, что народ представлял уже вторую инстанцию (степень) выборов, а первая находилась в родовых филах. Относительно архонтов мы знаем, что практиковался именно такой спо-

---

<sup>1)</sup> „Издревле в Афинах летоисчисление велось по архонтам „εἰς ἀρχοντίαν“ в архонство Аристехма“ и т. д. До нас сохранились списки архонтов, с 683 года, по которым можно перевести этот счет на наш. См. Clinton Fasti hellenici I—III.

<sup>2)</sup> См. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 130 (изд. 1945 г.). Учреждение навкаррий по Энгельсу, было первым шагом к ступеням государства на родовой строй.

соб избрания, о чем говорит „Афинская Полития“.<sup>1)</sup> Каждая фила выбирала по 10 кандидатов в архонтат. Затем из выбранных 40 кандидатов при помощи жеребьевки избирали 9 архонтов и десятого секретаря фесмофетов. Таким образом во второй инстанции введена жеребьевка. Очень возможно, что так избирались и остальные должностные лица. В этом отражается тот факт, что афинское государство при Солоне было, в сущности, еще федерацией отдельных областей, группировавшихся вокруг Афин, как общего центра, но живших пока что еще совершенно самостоятельной жизнью. Вполне понятно, почему архонты проходили через две инстанции: сначала рядовые областные деления (филы) выбирали кандидатов, а затем вступал в свои права город и при помощи жеребьевки устанавливал окончательный выбор должностных лиц.

Однако, почему же нет упоминания у Аристотеля военных должностей, таких видных, как должность 10 стратегов, которые впоследствии стали выше должности архонта-полемарха?

Имеется указание, что стратегия была первоначально областной должностью. Стратеги сначала выбирались не всем народом, а по филам. Если это так, тогда становится вполне понятно, почему в списке солоновских должностных лиц о них ничего не сказано: это были областные военачальники.

Перейдем к организации судебной власти при Солоне. Известно, что до него судебная власть принадлежала архонтам и отчасти Ареопагу, который принимал жалобы на притеснения, т. е. судил за преступления по должности и в этом отношении обладал чрезвычайно обширной компетенцией, являясь, в сущности, руководителем всей государственной жизни Аттики.

При Солоне дело получает новый оборот: появляется новое учреждение — народные суды, дикастерии (*δικαστήρια*). Это учреждение, о котором весьма кратко упоминает Аристотель (см. выше), было чрезвычайно важным, потому что несло в себе зародыш будущего народовластия, демократии. Оно являлось прототипом более поздней гелиэи, т. е. народного суда присяжных, которая впоследствии

---

<sup>1)</sup> Глава 8: „Высшие должности Солон сделал избирательными по жребью из числа предварительно выбранных, которых намечала каждая фила. Намечала же в коллегию архонтов каждая десятерых и между ними бросали жребий. Вследствие этого еще и теперь (т. е. во время Аристотеля в IV в. до н. эры), остается за филами такой порядок, что каждая избирает по жребью десятерых, а затем из этого числа баллотировать бобами. Доказательством, что высшие должности Солон сделал выборными по жребью из людей, обладающих цензом может служить закон о казначеях, который продолжает оставаться в силе еще и теперь: он повелевает избирать казначеев по жребью из пентакосиомедимнов“.

следствии, в 5 веке, сосредоточила в своих руках не только судебную, но и законодательную власть. Как составлялась народная дикастерия мы не знаем, известно только о ее функциях, состоявших в разборе жалоб частных лиц на разные притеснения. Сам Аристотель, как мы уже знаем, считает дикастерию самым демократическим учреждением в реформе Солона. Дикастерии, несомненно, были учреждением чисто демократическим: они расширили компетенцию Народного Собрания, поставив должностных лиц в зависимость от нее и в необходимость сообразоваться с ее требованиями. Народные дикастерии существовали недолго, как и многое из законодательства Солона и послужило своего рода мостом для перехода к более развитой форме демократического суда присяжных, гелиэс, в котором участвовали и феты.

Переходим к Солоновскому гражданскому праву. При Солоне оно подверглось коренной ломке, начавшейся с древней родовой системы, этого фундамента, на котором покоился весь старинный уклад жизни. Прежде всего было реформировано семейное право. Брак получил известную юрисдикцию; было определено, при каких условиях его надо считать законным и какое влияние оказывает он на имущественные отношения супругов. Огеческая власть во времени Солона уже сильно расшаталась и не могла уже держаться, как во время господства родовых отношений,<sup>1)</sup> на принципе безусловного подчинения, почему Солон и определил иные, более нормальные отношения между детьми и родителями, назначив наказание как детям, неуважающим своих родителей, так и родителям, не позаботившимся воспитать детей, или жестоко с ними обращающимся<sup>2)</sup>.

Солон, далее, посягнул на нормы земельного надела, выше которых никто не мог иметь землю, стараясь этим, до некоторой степени, удовлетворить тех крайних демократов-диакрийцев, которые мечтали о переделе земли. Эта мера должна была жестоко ударить по эвпатридам, владельцам крупных поместий<sup>3)</sup>. Солону же приписывается также закон о наследовании, который должен был

---

<sup>1)</sup> Вообще законодательство Солона повело борьбу с родовыми пережитками. Против родовой мести за обиду или убийство Солон высказывает новое положение: каждый гражданин имеет право привлечь виновных к ответственности в защиту пострадавшего. Плутарх говорит (Солон, 18). «Когда его, Солон, спросили в каком государстве жизнь устроена всего лучше, он отвечал: «В таком, где за обижаемых не менее их самих вступаются и наказывают обидчиков люди, не задетые этим лично».

<sup>2)</sup> Плутарх, Солон, 22: «(Солон) написал законы о том, что сын не обязан содержать отца, если отец не обучил его никакому ремеслу».

<sup>3)</sup> Надо, однако, заметить, что не все исследователи признают эту реформу Солона.

больно ударить по родовым отношениям, при которых имущество должно было находиться во владении рода. „Солон, говорит Плутарх (Солон, 21), прославился также законом о завещаниях. Прежде это было невозможно, но имущество и домашнее хозяйство должно было оставаться в роде умершего; он же предоставил право всякому отдать свое имущество, кому хочет, если только у него нет законных детей“. В законах Солона есть еще очень важное и своеобразное постановление относительно прав гражданства. Этот закон гласил, что полноправным гражданином Афин мог считаться только тот, кто имел отца и мать из афинян. Если же какой-нибудь род хотел принять в свою среду иностранца, тот мог это сделать в случае благоприятного исхода голосования членов фратрии, причем вновь принимаемый поселялся на аттической земле и должен был иметь известный имущественный ценз. Поэтому прием в число граждан для иностранцев был значительно облегчен, что характерно для Солона, представителя средней прослойки, связанного по своей торговой деятельности с зарубежными греческими государствами.

Нетрудно видеть, что этот закон о гражданстве в основном покоится на родовом принципе, хотя этот принцип при Солоне уже утратил свое преобладающее значение, потому что кроме фил и фратрий в эту эпоху образовался целый ряд сообществ, ушедших с почвы кровно-родственных отношений и основанных на началах свободного соединения для различных целей: для сельского хозяйства, торговли, мореплавания, для помощи в погребении и т. п. Все указанные общества имели определенную организацию, члены которой должны были ей подчиняться и имели особые права. Исторический смысл этих ассоциаций заключается в том, что родовой организации оказалось недостаточно и потребовались новые группировки, основанные на началах свободной кооперации. Это был как бы постепенный подход к государству.

Солон издал, кроме того, ряд законов, нормирующих частную жизнь граждан и их хозяйственный быт, имея перед собой основную цель укрепления народного хозяйства Аттики. Плутарх (Солон, 22) довольно правильно анализирует эту часть деятельности нашего реформатора. „Солон видел, говорит он, что город вечно наполняется людьми, стекающимися отовсюду в Аттику, но что земля в большей части страны бесплодная и плохая, люди же приезжающие по морю, обычно ничего не привозят, поскольку местные жители ничего не могут им дать в обмен. Поэтому-то он заставил граждан обратиться к ремеслам и написал закон о том, что сын не обязан содержать отца, если отец не обучал его ремеслу... Солон приспособлял скорее законы к жизни, чем жизнь к законам, и видя, что природа страны скудно удовлетворяет зем-

ледельцев, а неимеющую занятий и праздную толпу не может содержать, обратил серьезное внимание на ремесла и поручил Ареопагу наблюдать за тем, откуда каждый человек получает средства к жизни и наказывать неимеющих занятий". Здесь Плутарх приписывает Солону чуть ли не проведение всеобщей трудовой повинности. Солон пошел даже дальше: он посягнул на свободу торговли. Тот же Плутарх нам передает, что из урожая своей страны продавать иноземцам Солон разрешил только плоды маслины, все другое вывозить запретил и вменил в обязанность архонту произносить проклятие против тех, кто стал бы вывозить, под страхом, в противном случае, самому платить в казну штраф в 100 драхм<sup>1)</sup>.

Если мы вспомним, что Аттика всегда (даже и теперь) нуждалась в привозном хлебе и из продуктов сельского хозяйства излишки доставляли только масличные деревья, — мы не можем не признать большой целесообразности этого закона. Эвпатриды и купцы в погоне за наживой, могли и, несомненно, продавали хлеб за границу, ставя этим аттическое население в тяжелое положение<sup>2)</sup>.

Солону, кроме того, приписывается закон против роскоши. Последняя особенно проявлялась во время погребения, когда родственники умерших тратили огромные средства на пышные похороны для возвеличения родовой „чести". Он запретил приносить в жертву по умершем быка, складывать костер из драгоценных деревьев или даже правильно обрубленных (пригодятся для постройки!), бросать в огонь, согласно древнему обычаю, дорогие вещи, оружие. Наконец, Солон запретил участвовать женщинам в погребальных процессиях, кроме родственниц-старух не моложе 60 лет. Это запрещение было направлено против обычая нанимать специальных плакальщиц за гробом, что было в большом ходу на Востоке и в Греции, как об этом нам говорят древние рисунки и тексты. Так как женщины были более склонны к роскоши, то Солон издал закон, по которому приданое невесты должно было состоять не более, как из трех платьев; женщина могла сразу купить в лавке не более чем на медуны и взять с собою в путешествие не более обола. Другой его закон, касающийся

<sup>1)</sup> Плутарх, Солон, гл. 24. В другом месте (гл. 23) Плутарх приводит интересное сопоставление цен: овца по стоимости равнялась медуне хлеба и стоила 1 драхму (ок. 40 коп.).

<sup>2)</sup> Ср. Правительство и помещиков царской России, вывозивших хлеб несмотря на голод. Этот закон Солон, повидимому, имел большое значение в развитии ремесла. С VI в. Афины наводняют рынок массой прекрасной росписной посуды, оружия, мраморных изделий и проч.

женщин, напоминает древний обычай, левират, сохранившийся, правда, в измененной форме, еще у евреев. Плутарх передает его так (Солон гл. 20) „Странным и смешным представляется закон, по которому женщине-наследнице, в случае, если человек, ставший по закону ее властелином и главой, окажется неспособным к сожителству, дает право вступать в связь с ближайшими родственниками мужа.

Некоторые говорят, что это и правильно по отношению к тем, которые, будучи неспособны к сожитию, берут в жены наследниц ради денег и, пользуясь законом, насилуют природу“... Здесь Солон стоит еще на почве старых родовых отношений, так как этот закон дает преимущество роду мужа, сохраняя в его роде имущество, принесенное женой-наследницей.

Солон жил в эпоху неустойчивого политического равновесия, когда все время в Аттике висела опасность гражданской войны между прослойками свободного населения и опасность возникновения тирании. Конечно, он понимал эту обстановку и издал очень своеобразный и оригинальный закон, о котором нам говорят Аристотель и Плутарх. Аристотель говорит, по своему обыкновению, деловито и сухо: „Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мирятся со всем, чтобы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: „кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав.“<sup>1)</sup> Плутарх рассказывает об этом более просто и интересно, и, пользуясь не дошедшими до нас текстами, дает пояснение этому закону: „Из остальных его законов, говорит он<sup>2)</sup>, особенно своеобразным и странным является тот, который повелевает, чтобы был лишен гражданской чести человек, не примкнувший во время смуты ни к той, ни к другой партии. Но он хочет, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достоинство и отговариваясь тем, что не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасность и помогал им, а не выжидал в безопасности того, что предпишут победители“. Однако, этот закон не помешал возникновению смут и тирании. Таким образом мы кратко обозрели все законодательство Солона. Конечно, трудно отделить то, что действительно принадлежит ему от плода позднейших легенд. Некоторые ученые, как например, Пельман очень критически относят

<sup>1)</sup> „Афинская Полития“, глава 8.

<sup>2)</sup> Плутарх, Солон, гл. 20.

25.  
ся к преданию, записанному Плутархом. Мы не будем столь критичны и, идя по пути анализа эпохи и ее нужд, должны сказать, что эти законы были назревшими. Правда, они не могли удовлетворить крайние элементы как справа, так и слева, что вскоре выяснилось со всей силой.

Если теперь мы спросим себя об общем смысле и целеустремленности законодательства Солона, то выяснить его не составит никакого затруднения. Реформа Солона была компромиссом и несмотря на всю свою обширность и разносторонность, не могла удовлетворить ни одну из трех враждовавших партий. Затихшая борьба должна была вскоре разгореться с прежней силой.

(Продолжение следует).

Национальная Научная  
Библиотека при ИИУ

316030